

**ЕВРЕИ
В КУЛЬТУРЕ
РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ**

3

ИЕРУСАЛИМ
1994

**Евреи
в культуре
Русского Зарубежья**

**Статьи, публикации,
мемуары и эссе**

Том III

1939 - 1960 гг.

**Составитель и издатель
М. Пархомовский**

Иерусалим, 1994

ЕВРЕИ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Статьи, публикации, мемуары и эссе

Том III. 1939-1960 гг.

Составитель и издатель М. Пархомовский

Редакционный совет:

М. Амосин, С. Векслер, М. Генкина, Ю. Зислин, Г. Морев, Н. Прат,
В. Радутский, Я. Сорокер, С. Шварцбанд, И. Штительман, Д. Штурман,
Л. Юниверг (Израиль), О. Ласунский (Россия), Б. Лосский,
Б. Носик (Франция), М. Раев (США)

Набор: Я. Сорокер, И. Шофман

Корректор: Ю. Зислин

Монтаж: Ю. Гурь-Арье

© М. Пархомовский, 1994

ул. Мишлат, 648/4,

99000, Бейт-Шемеш,

Израиль

Тел. (02)917039

Книга издана на средства издателя и составителя с помощью спонсоров
Шломо Ювеля и Давида Варди

JEWES IN THE CULTURE OF RUSSIA ABROAD

Articles, publications, memoirs and essays

Volume III, 1939-1960

Compiler and publisher M. Parkhomovsky

Editorial board:

M. Amusin, M. Genkina, G. Morev, N. Prat, V. Radutsky, I. Shtitelman,
S. Shvartsband, Ya. Soroker, D. Sturman, S. Vexler, L. Yuniverg, Yu. Zislin (Israel),
O. Lasunsky (Russia), B. Lossky, B. Nossik (France), M. Raeff (USA)

Typesetting: Ya. Soroker, I. Shofman

Proof-reader: Yu. Zislin

Layout: Yu. Gur-Arye

© 1994 Copyright by M. Parkhomovsky

M. Parkhomovsky

648/4, Mishlat

99000 Bet-Shemesh

Israel

Tel.: (02)917039

The volume is published at the expence of its compiler and sponsors:
Shlomo Yuvel and David Vardi.

ISBN 965-222-292-5

М. О. Гершензон в Берлине

(Из воспоминаний
Н.М.Гершензон-Чегодаевой)

*Публикация Марии Чегодаевой
(Москва)*

Предлагаемые вниманию читателей страницы - отрывки из воспоминаний моей матери Наталии Михайловны Гершензон-Чегодаевой (1907-1977), дочери Михаила Осиповича Гершензона (1869-1925). В этих отрывках рассказывается о пребывании семьи Гершензона в Германии в 1922-1923 годах. Поездка была предпринята преимущественно для лечения: у Михаила Осиповича резко обострился туберкулез; туберкулезный процесс начинался у детей - 17-летнего Сережи и 15-летней Наташи. Из весьма обширного (около 100 машинописных страниц) повествования о жизни Гершензонов в Германии, их лечении на курорте в Баденвейлере мною выбраны страницы, рассказывающие о кратком пребывании в Берлине осенью 1922 года, а затем о проведенной в Берлине и Фрейбурге весне 1923 года, когда после лечения в Баденвейлере встал вопрос о возвращении в Россию.

Родители наши решили поехать лечиться в Германию, которую папа хорошо знал¹. Вероятно, здесь имело значение и то, что в то время существовало международное издательство "Эпоха", отделения которого находились в Москве и в Берлине. С этим издательством папа имел деловые сношения; оно издавало некоторые его работы. Директор "Эпохи" - Белицкий был папин хороший знакомый². Находясь в Германии, папа мог опираться на связь с издательством, а также получать от него материальную поддержку (...)

Дорога до Берлина неоднократно прерывалась проверкой документов и осмотром багажа, которые, впрочем, производились очень поверхностно. К Берлину мы подъезжали рано утром, часов около восьми; поезд шел уже по самому городу - от одного берлинского вокзала к другому. Постепенно наши спутники прощались

и сходили. Наконец пришел и наш черед. Верная своему темпераменту, я первая соскочила со ступенек вагона и ступила на перрон. Обстановка заграничного вокзала меня ошеломила. На перроне было много народу, громко звучала немецкая речь, тогда мне совершенно незнакомая. По платформе катились тележки с газетами, журналами и открытками, повсюду пестрели яркие рекламы. В то время как я стояла в ожидании пока сойдут родители и Сережа и будет вынесен наш багаж, ко мне подошел худенький молодой человек небольшого роста, который спросил меня по-русски: "Скажите, ваша фамилия Гершензон?" Это оказался сотрудник издательства "Эпоха" Меерович, которого послали нас встречать. Он провел нас в буфет, а сам вместе с папой пошел нанимать автомобиль или извозчика. <...>

Мы разместились в большом экипаже и поехали по улицам Берлина. Ехать пришлось далеко. Я во все глаза смотрела на широкие и очень чистые улицы, на непривычное для меня оживленное городское движение. Хорошо помню, как мы проезжали мимо Тиргартена и я любовалась на красивые деревья и многочисленные статуи. Экипаж наш остановился на сравнительно тихой улице, где для нас снята была меблированная комната. <...>

В краткий период нашего пребывания в Берлине мы успели все же кое-где побывать. С особенным чувством повел нас папа в хорошо знакомую по его юным годам (когда он две зимы проучился в Берлинском политехникуме) картинную галерею. Но я оказалась недостаточно подготовленной для восприятия произведений старых мастеров. Довольно равнодушно смотрела я на любимые папины картины (особенно Рембрандта), которые он с восторгом нам показывал. Почему-то мне хорошо запомнилась только одна вещь - "Святой Себастьян" Рубенса (я порадовалась, что мне довелось ее увидеть, когда, через 20 с лишним лет, узнала, что эта, одна из лучших картин Рубенса, погибла в конце второй мировой войны).

В то время, когда мы попали в Германию, т.е. осенью 1922 года, значительная часть русской эмиграции находилась в Берлине. Большинство писателей и профессоров, высланных летом 1922 года из России³, жили в Берлине. В течение тех 2-3 дней, которые мы провели тогда в Берлине, папа почти никого не успел повидать. Вероятно, он виделся с работниками берлинского отделения издательства "Эпоха", а также из знакомых встретился с сестрой нахо-

дившегося в Париже Льва Исааковича Шестова и ее мужем - философом Ловцким⁴. <...>

За дни, проведенные в Берлине, папа и мы с Сережей⁵ успели показаться профессору - специалисту по легочным заболеваниям, и нам было рекомендовано поехать лечить легкие в Шварцвальд. Кто-то из русских, думаю, что это были Ловцкие, посоветовал курорт Баденвейлер, расположенный недалеко от города Фрейбурга в Бренау, в Шварцвальде. Так и было решено. <...>

Сборы и отъезд из Баденвейлера, так же как и дорогу в Берлин, я не запомнила. В Берлине мы остановились в хорошем пансионе. Ходасевич приготовил для нас две комнаты в том же пансионе, где сам в то время жил. Пансион этот помещался на 4 или 5 этаже большого дома на Викториа-Луизе плац, круглой площади, от которой в две стороны прямыми стрелками отходила Мотуштрассе. Мы заняли в этом пансионе две небольших смежных комнаты; вход в них был с площадки лестницы, отдельно от всего пансиона. Таким образом у нас получалась как бы отдельная квартир-ка. Пансион этот был очень приятен; он носил совсем другой характер, чем пансион Эккерлин в Баденвейлере. Публика в нем жила не курортная, а деловая. Во время табльд'отов, которые происходили в общей столовой, по-семейному сходились за одним длинным столом люди разных национальностей. Помню даже какую-то пару - старую даму и мужчину португальцев из Бразилии. Были там и русские. В.Ф.Ходасевич жил с молоденькой женой - поэтессой Ниной Берберовой⁶. За стеной нашей комнаты помещалась семья, глава которой, не старый еще человек, был тяжело болен почками. Он очень страдал, до нас доносились его стоны.

Мы приехали в Берлин с тем, чтобы, показавшись врачам, ехать обратно в Россию. Однако все сложилось совсем не так, как мы предполагали. Очередности событий я теперь уже не помню. Помню только, что врачи категорически запретили папе ехать в Россию, найдя, что за время его полугодового пребывания в Баденвейлере в его болезни не произошло улучшения. Русские берлинцы уговаривали папу вообще остаться за границей, как и они, перейдя в эмиграцию. Родители наши не знали, что им предпринять, и находились в смятенном состоянии. К тому же, у папы деньги были на исходе и приходилось изыскивать пути к их добыванию, что, по-видимому, доставалось ему нелегко. В таком томительно-неопределенном положении мы прожили в Берлине целый

месяц. Каждый день возникали разговоры: “Ехать? Не ехать? Возвращаться ли вообще в Россию?” Мы с Сережей страстно хотели домой, не мысля себе возможности остаться навечно за границей⁷. Папа и мама душою также хотели этого, но, по-видимому, тревожились разными деловыми соображениями, связанными с состоянием папиного и нашего здоровья, с трудностями и неустойчивостью жизни в России⁸.

Однажды папа обратился ко мне со словами:

- Скажи, ехать нам или не ехать. Только скажи не думая, реши это не головой, а “животом”.

Этот вопрос, характерный для папы, очень смутил меня. Я совсем растерялась и не знала, что сказать. Я не могла отделить своего душевного чувства от тех жизненно-важных соображений, которые служили повседневной темой обсуждения всех членов нашей семьи. “Живот”-то мой знал, чего хотел, а головой я мучилась мыслями о папиной болезни и обо всем остальном, что смущало родителей. Так из моего ответа ничего не вышло.

Томились не только папа с мамой, но и мы с Сережей. Когда нами овладевала тоска, мы вдвоем отправлялись смотреть Берлин. Одну меня ходить по берлинским улицам не пускали, т.к. боялись, что я могу заплутаться или попасть под машину. На Сережу же смотрели как на старшего - почти взрослого, и с ним меня отпускали спокойно. Обычно мы забирались на крышу автобуса и ехали туда, куда пролегал маршрут избранной нами машины. Места на крышах автобусов были некрытыми, так что в лицо дул ветер и голову пекло солнце. Но мы были молоды, весенние дни стояли не жаркие, а в меру теплые; ехать высоко над городом было ново и интересно.

Ходили мы часто и всей семьей. В общем Берлин, несмотря на свою импозантность, мне не нравился, благодаря присущей ему холодности и однообразию. Мне казалось скучным, что большинство улиц похожи одна на другую, что все они - прямые и обстроены одинаковыми серыми пятиэтажными домами. Но все же, огромный город, шумный - с разноязычной толпой, двигавшейся по тротуарам, со множеством несущихся машин и пролеток давал богатую пищу юношескому воображению. Особое мое внимание привлекали многочисленные рестораны и кафе, из которых сквозь раскрытые окна и двери на улицу вырывались громкие звуки входившей тогда в моду джазовой музыки, а также то и дело попадавшиеся фигуры

русских эмигрантов. Русская речь слышалась беспрестанно - на улицах, в ресторанах, трамваях, автобусах.

Один раз всей семьей мы зашли в русский ресторан поужинать. Во время ужина мы заметили, что в углу одиноко сидит молодой человек. Он был пьян в стельку и спал, уронив голову на заставленный бутылками и стаканами стол. Помнится, официанты разбудили его и волоком протащив через зал, вытолкали за дверь. Эта сцена поразила меня; в облике этого пьяного опустившегося человека, выброшенного не только за дверь ресторана, но и за пределы своей родной страны, мне мыслилась большая человеческая трагедия, которую я всячески расцветчивала своим юношеским воображением.

Мне кажется, что у моих родителей в этот раз, благодаря сложности наших обстоятельств, не было настроения осматривать достопримечательности Берлина. Помнится, мы посетили только берлинский зоопарк, славившийся как один из лучших зоопарков в мире.

Мы долго стояли перед вольерой со слонами. Животных разрешалось кормить, и они привыкли выпрашивать у публики угощения. Но случилось так, что у посетителей, глядевших на слонов, ничего в руках не было. Огромный слон, близко подойдя к решетке, долго приседал и кланялся, надеясь на подачку. Когда же он понял, что его просьбы остаются безрезультатными, он повернулся к бочке с водой, набрал в хобот воды и окатил публику с ног до головы; досталось и нам. Унижение умного животного, за которым последовала вспышка его справедливого гнева, было очень впечатляющим.

В берлинском зоопарке содержали много обезьян. В одной большой, высокой клетке обитали мартышки. Там были и крупные, и совсем маленькие, всего штук десять-двенадцать. На этот раз мы запаслись угощением, не то яблоками, не то апельсинами. Я протягивала между прутьями клеток лакомые кусочки, которые неизменно доставались самым крупным и сильным животным, безжалостно оттеснявшим маленьких. Мою особую симпатию и жалость вызывала самая маленькая мартышка, которая сжавшись в комочек, сидела в уголке и не смела подойти к решетке. Но наступил такой момент, когда все большие были удовлетворены и заняты едой. Малышка робко подкралась к краю клетки и протянула между железными прутьями крошечную лапку, в которую я поспе-

шила положить кусочек. Эта черненькая дрожащая лапка в точности напоминала человеческую руку. Такой она и запомнилась мне на всю жизнь.

В Берлине у нас было много встреч с разными людьми, особенно, конечно, с русскими писателями. Наиболее тесные отношения установились с Ходасевичем⁹, с которым мы общались ежедневно, живя под одной крышей. Я хорошо знала Ходасевича еще в Москве, т.к. он часто бывал у папы, но теперь воспринимала его иначе, т.к. глядела на людей уже почти взрослыми глазами. Он был нервен, желчен и зол, но очень талантлив и умен. Для его характеристики как человека интересно вспомнить хотя бы то, как он проявлял себя во время игры в шахматы с Сережей. Если Сереже, мальчику 17-ти лет, случалось у него выиграть, Ходасевич по-настоящему злился, и, выражая свою досаду, старался найти слова, которые могли уколоть самолюбие счастливого партнера и снизить значение его выигрыша. Ходасевич часто и охотно читал по папиной просьбе вслух свои прекрасные стихи, которые мы все слушали с величайшим удовольствием. Иногда читала стихи своего сочинения и его молоденькая жена, поэтесса Нина Берберова, хорошенькая женщина с большими светлыми глазами (впоследствии, когда мы были уже в России, до нас дошли слухи, что Ходасевич с ней разошелся).

Как-то вечером мы всей семьей отправились на собрание русских берлинских писателей. Не помню сейчас, кто именно там присутствовал и о чем шла речь. Запомнилось только то, что велась какая-то дискуссия и речи произносились очень горячие, страстные. Внимание мое приковала к себе фигура Ильи Эренбурга, выступавшего с особым остроумием и пафосом. Он показался мне немолодым и несколько чудаковатым, каким-то испитым и потрепанным¹⁰.

Часто встречались мы с матерью нашего друга - товарища детских игр Кики Давыдова - Наталией Михайловной Давыдовой¹¹. Эту замечательную женщину, очень любимую моими родителями, постигла страшная судьба, о которой мы узнали из ее рассказов во время наших берлинских встреч. Октябрьская революция застала Наталию Михайловну в Киеве, куда она уехала вдвоем со своим младшим любимым сыном Кикой, очевидно, спасаясь от большевиков. В Киеве они пережили то время, когда там многократно сменялась политическая власть. После воцарения красных Наталия

Михайловна с Кикой были арестованы. В тюрьме им довелось испытать страшные истязания. В один из тех раз, когда ее вели на допрос, она увидела Кику, сидящего на подоконнике окна на площадке внутренней лестницы тюрьмы. Он был страшно худ, бледен и казался больным. Через некоторое время ей сообщили, что ее сын скончался от тифа. Она получила разрешение посмотреть сквозь оконное стекло на мертвого Кику, гроб которого для этого поднесли на несколько минут к окну. После освобождения из тюрьмы Н.М.Давыдовой удалось уехать за границу. В Берлине она жила одна. Я как-то была у нее вместе с мамой и хорошо запомнила ее комнату, где повсюду - на стенах, этажерках, столах - висели и стояли портреты так хорошо мне знакомого красавца Кики с курьезной головой и чудесными глазами. Наталия Михайловна описала события своей жизни в записках, которые ко времени нашего приезда в Берлин были изданы отдельной книжкой¹². Эту книжку она дала моим родителям для прочтения; мне тоже хотелось ее прочитать, но папа с мамой не дали мне ее, сказав, что все описанное там настолько страшно, что они находят эти зарисовки неподходящими для чтения подростка.

Старшие сыновья Н.М.Давыдовой - Денис и Василий — также находились за границей (отец их, вероятно, к этому времени уже умер; впрочем, точно не помню). Об этих двух своих сыновьях Наталия Михайловна говорила с горькой иронией. По ее рассказам, старший - Денис жил в Париже, где владел шляпной мастерской. Второй - Василий находился в Берлине. Он вел легкомысленную, рассеянную жизнь, кутил, играл на скачках и т.п. Василия Давыдова я хорошо помню, т.к. он два раза навещал нас в нашем берлинском пансионе. Это был молодой человек лет 26-ти с мягкими, добродушными чертами лица. Он производил впечатление славного, неглупого малого, прекрасно сознававшего никчемность собственного существования, но весело и беспечно смотревшего на жизнь. Помню, папе понравился Василий Давыдов, и он охотно с ним беседовал. А существование несчастной Наталии Михайловны кончилось трагически. Вскоре после нашего возвращения в Россию, до нас дошло известие, что она покончила жизнь самоубийством.

В Берлине нас нашел также сын Б.А.Кистяковского¹³ - Игорь, которого в детстве звали Гориком. Случилось так, что после смерти отца Горика его мать Мария Владимировна с двумя младшими сыновьями осталась в Киеве, а ему - старшему (кажется, в связи с

призывным возрастом) устроили отъезд за границу, где он оказался один. Это был худой стройный молодой человек с тонким интеллигентным лицом. Мне он очень понравился; помню, что когда он пришел к нам вторично, я находилась в задней комнате. Услышав его голос, я не сразу вышла к нему, а сперва долго стояла перед зеркалом, поправляя волосы и то застегивая, то расстегивая воротник своей блузки и мучаясь тем, что выгляжу, как мне казалось, недостаточно интересной. Игорь Кистяковский являл собой резкий контраст с Василием Давыдовым, отличаясь явной значительностью и во всяком случае - глубокой серьезностью. Тогда еще было неясно, что из него получится, а через много лет я прочла в какой-то статье упоминание о живущем в Париже известном юристе профессоре И.Кистяковском.

Постоянными были также наши встречи с Андреем Белым, который незадолго до нас приехал в Берлин и жил в том же пансионе, где и мы¹⁴. Когда, уезжая за границу, Белый в Москве зашел к нам проститься, он сказал моей маме: "Еду узнать, почему меня жена за-

была". А.Белый был женат на Асе Тургеневой¹⁵. Они оба были антропософами и перед первой мировой войной вместе участвовали в постройке антропософского храма под руководством главы европейских антропософов доктора Штейнера¹⁶ (в Дорнахе, в Швейцарии). Когда началась война, Белый как военнообязанный вернулся в Россию; жена с ним не поехала и по слухам, дошедшим до мужа, нашла себе за границей нового друга. Появление Белого в Берлине ознаменовалось удивительным событием. Выйдя из поезда на привокзальную площадь, он встретил свою жену. И это - в огромном многомиллионном городе! Оказалось, что она действительно его бросила и сошлась с поэтом Кусиковым¹⁷ - совершенным ничтожеством. Когда Белый удостоверился в своем несчастье, им овладело отчаяние, которое разрешилось самым причудливым образом. Он принялся ходить по берлинским значным местам, глуша себя не столько вином, сколько танцами. Люди, которые видели Белого танцующим, рассказывали, что это была унижительная картина, на которую больно было смотреть. Он танцевал самозабвенно, но плохо, не так, как было принято в то время, представлял собой мишень для насмешек присутствовавших при этом немец. Русские друзья, в первую очередь Ходасевич и папа, употребляли все усилия, чтобы вытащить Белого из этого омута, который затягивал его все больше. Но им это не удавалось. Белый упрямо продолжал пропадать в берлинских кабаках. Очевидно, до московских антропософов дошли слухи о положении А.Белого за границей, и они решили его спасти. В Берлин была откомандирована некая Клавдия Николаевна Васильева, которой поручалось вызволить Белого и привезти его в Москву¹⁸.

Однажды за табльд'отом в нашем пансионе появилась женщина лет сорока с характерным для антропософов "ангельским" лицом. Она сумела блестяще выполнить свою миссию. Андрей Белый не только вскоре после ее приезда в Берлин покорно последовал за ней в Россию, но настолько попал под ее влияние, что стал ее мужем и благополучно прожил с ней вплоть до своей смерти в 1934 году.

Одно из самых ярких впечатлений, относящихся ко времени нашего пребывания в Берлине весной 1923 года, связано с посещением спектаклей Вахтанговского театра, приехавшего тогда на гастроли в Германию. Театр Вахтангова, незадолго перед тем похоронивший своего гениального основателя¹⁹, находился в лучшей поре

расцвета. Актеры были молоды, заветы Вахтангова сохраняли всю свою благоуханную свежесть. Мы пошли на "Принцессу Турандот". Этот спектакль был поистине гениален во всем - в режиссерском решении, в художественном оформлении, актерской игре, музыке. Весь он искрился и сиял, безоговорочно покоряя зрителей. Актеры играли радостно, темпераментно. "Маски" изощрялись в остроумных шутках, посвященных злободневности берлинского существования театра. В дополнение ко всему мы наслаждались звуками русской речи, а я, со своей стороны, была совершенно покорена обаянием Завадского-Калафа, изящного красавца с тонкой гибкой фигурой, приобретающей особую эlegantность благодаря великолепно сидевшему черному фраку. Как сейчас вижу также небольшую тоненькую фигурку Труфальдино - в то время совсем еще юного Рубена Симонова.

Потом мы пошли на "Чудо святого Антония"²⁰ - тоже очень интересный спектакль, более значительный по глубине созданных актерами образов. Как актер Завадский был еще интереснее в образе св. Антония (думаю, что это была лучшая его роль за всю жизнь); но глядя на него, игравшего согбенного старца, я втайне вздыхала о пленительном изящном Калафе.

Случилось так, что нам довелось встретиться с вахтанговскими актерами за одним чайным столом. Один из берлинских богачей (фамилия его ускользнула из моей памяти)²¹, культурный и образованный человек, страстный поклонник и знаток русской литературы и русского языка, устроил в своем особняке вечер в честь находившихся в Берлине русских писателей. В числе приглашенных оказался и мой отец; приняв приглашение, папа попросил разрешения прийти на вечер всей семьей. Хозяин радушно отозвался на эту просьбу, и в назначенный вечер мы отправились. Впервые увиденная мною обстановка богатого дома меня совершенно ошеломила. Когда мы вступили в вестибюль и поднялись по нарядной лестнице, перед нами открылась анфилада парадных комнат, роскошно убранных и залитых светом. Мягкие ковры, изящная мебель, прекрасные люстры, зеркала, картины - ничего подобного я еще не видела, тем более, что все носило не старинно-музейный характер, как в Рудице²², а служило обстановкой повседневного существования постоянно живших в этом доме людей. Гостей раздевали и провожали наверх лакеи во фраках или нарядно одетые горничные.

Мы уселись в одной из гостиных вместе с тщедушным, худень-

ким А.М.Ремизовым и его величавой толстой женой Серафимой Павловной²³. Ремизов, связанный с папой многолетней дружбой, был одним из тех русских писателей, с которыми мы встречались в Берлине. За границей он держался чудачком (налет наигранной "юродивости" был вообще ему свойствен), так что в берлинской писательской среде о нем ходили анекдоты. Не зная ни одного иностранного языка, он, по-видимому, бравировал этим, допуская в адрес немцев эпатирующие выходки. Так, рассказывали, что однажды он явился в магазин покупать галстук и будучи уверенным, что русское название этого предмета происходит от немецкого Hals Tuch, просил дать себе таковой. Продавец не мог его понять. Ремизов знаком пояснил, что ему надо. Поняв, продавец воскликнул: "Krawatte!" "Нет, - ответил Ремизов, - не нужна мне кровать, я пришел покупать галстук". Находясь в Лондоне и желая купить апельсины, он требовал "апельсейшен" и т.п.

Когда мы расселись вместе с Ремизовым в мягких креслах узорной гостиной, Серафима Павловна подсела ко мне, стала всячески меня ласкать, бесконечно повторяя мое имя "Наташа, Наташа", сопровождая его вздохами и едва не плача. Ее поведение смущало меня и возбуждало недоумение. После мама рассказала мне историю семейной трагедии Ремизовых, послужившую причиной повышенного внимания этой женщины к моей особе. Когда Ремизовы поженились, у них родилась дочь, которую называли Наташей. Они были молоды, хотели жить свободно, ребенок их связывал, и они отослали девочку в имение, где жила бабушка и тетка - сестра матери. Там и выросла Наташа, без отца и матери. Когда девочке было лет 15-16, бабушка умерла и родители захотели взять дочь к себе. Но Наташа наотрез отказалась оставить тетю и переехать к ним, сказав, что коль скоро они не захотели ее растить, она их не признает за родителей, а матерью считает воспитавшую ее тетку, с которой и будет жить. Наказанные за свой эгоизм, Ремизовы так и остались без дочери, и, уехав из России, потеряли ее навсегда²⁴. Вот почему Серафима Павловна, встретив приглянувшуюся ей девочку-подростка, носившую дорогое для нее имя "Наташа", так расчувствовалась.

Когда все гости были в сборе, нас позвали в большой зал, где стоял длинный великолепно сервированный стол. Я не могу восстановить в памяти состав расположившегося вокруг стола общества. Помню только, что было человек 30-40, все русские (немцев,

не понимавших русского языка, присутствовало не более 2-3), так что разговор шел по-русски. Часто звучало имя Льва Исааковича Шестова, с которым хозяин дома был очень дружен. Шестова ждали к этому вечеру из Парижа, где он в то время жил, но что-то помешало ему приехать. Это было большим разочарованием для папы, который в годы революции особенно сблизился с Л.И.Шестовым, считал его своим самым близким другом.

В разгаре ужина, вероятно часов в 10, а может быть и позже, раздался сначала звонок, а потом звуки оживленных голосов. В зал вошла большая группа актеров Вахтанговского театра, приехавших после окончания спектакля. Они ворвались как свежий ветер, нарушив царствовавшую атмосферу “хорошего тона”. Стало непринужденно и весело; все оживилось, начали пересаживаться, раздвигая стулья, освобождая место для новых гостей. Мне повезло. Рядом со мной посадили Завадского, рядом с ним села Мансурова, которая в моем воображении олицетворяла прелесть принцессы Турандот. Я смотрела на них широко открытыми глазами. В первый раз довелось мне видеть актеров вне театра, так близко, рядом с собой. Они казались мне необыкновенными существами, не такими, как все люди. Это чувство еще возрастало из-за того, что держали они себя действительно не так, как остальные гости, сидевшие за столом. Свобода и даже фривольность их обращения одновременно и поражали, и пленяли меня. Они обнимали друг друга, чуть ли не целовались; Мансурова, сидя рядом с Завадским, положила голову ему на плечо. По просьбе присутствующих они спели очаровательные песенки из “Турандот”, чем доставили всем огромное удовольствие. Что касается меня, то я не только была в полном восторге, но сохранила воспоминание об этой встрече как об одном из самых прекрасных мгновений моей молодости.

Вечер окончился очень поздно, так что нам пришлось долго идти по весеннему ночному Берлину пешком. Было часа 4 утра и уже почти светло. Берлинские улицы, которые мы привыкли видеть шумными и оживленными, поражали своей замороженной тишиной. Особое наше внимание привлекли кувшинчики с предназначенными для молочниц деньгами на крышках (нечто совершенно невозможное в России!), которые стояли на многих крылечках и ступеньках парадных ходов.

Между тем шли дни за днями, время проходило впустую, надо было принять какое-то решение. По совету врачей склонялись к

тому, чтобы снова поехать на юг Германии, в теплый климат, и там постараться устроить папу в санаторий. Во Фрейбурге жил в то время высланный из Москвы профессор, папин добрый знакомый, философ Федор Августович Степун²⁵ со своей женой. Папа с ним списался, и мы поехали. Степуны сняли для нас комнаты в пансионе, где мы на несколько дней остановились.

От этого краткого пребывания во Фрейбурге у меня осталось двойственное воспоминание. С одной стороны это были беспокойные дни, полные волнений и хлопот, из которых в конце концов ничего не вышло. С другой - мы наслаждались всем, что нас окружало, и не могли оставаться равнодушными к неповторимому облику этого города. Именно в это время Фрейбург открылся для нас во всей своей прелести.

Облик этого старинного города с одним из самых старых в Европе университетов, со знаменитым готическим собором и множеством средневековых и ренессансных построек, еще больше выигрывает от чудесного расположения в долине. Он окружен горами, которые виднеются в конце едва ли не каждой улицы. Повсюду растут каштаны и другие южные деревья. Стояла весна, дома утопали в цветах - олеандрах, гиацинтах, вьющихся розах; вдоль тротуаров бежали ручейки, заключенные в асфальтовые желобки. Готический собор меня поразил. Я не могла себе представить, что архитектура способна в такой степени воздействовать на сознание человека, подчинять себе его чувства. Потрясла меня вся обстановка собора: притягивающий к себе взоры стрельчатый свод, таинственная игра света на тонких пучках колонн, окна, составленные из цветных стекол. Душевный трепет вызывало зрелище коленапреклоненных одиноких людей, молившихся в разных уголках огромного помещения собора, и одетых во все черное женщин, просунувших головы под занавески исповедальных кабинок.

Как-то гуляя по городу, мы подошли к зданию университета. Папа сказал, что ему хочется на несколько минут зайти внутрь. Мы вошли в вестибюль. На стене против входа висело расписание лекций. Папа простоял довольно долго и внимательно прочитал. Он был взволнован, видимо, возвращаясь мыслями ко дням своей юности, когда в течение одного семестра ему довелось слушать лекции в Гейдельбергском университете. Как всегда, его чувство сообщилось и нам. Он сумел придать этому моменту торжествен-

ность, как бы приобщив нас на несколько секунд к великому таинству многовековой мировой науки.

Университет накладывает печать на городскую жизнь Фрейбурга. Улицы были полны студенческой молодежи; то и дело встречались молодые люди в разноцветных шапочках студенческих корпораций - чаще всего голубых или красных. Нередко можно было увидеть молодое лицо с рассеченной свежим шрамом щекой²⁶.

Начались поиски пристанища для папы во Фрейбурге. Один день мы, вместе со Степунами, посвятили поездке в пригородное курортное место, где находился какой-то санаторий. Но место это нам не понравилось, санаторий же оказался слишком дорогим. А дни проходили, деньги уплывали. Не зная, что предпринять, мы решили съездить в Баденвейлер, где у нас были знакомые, с которыми можно было посоветоваться. Кончилось тем, что мы снова поселились все вместе в любимом своем Баденвейлере, решив остаться в Германии до осени²⁷.

Примечания

1. В 1887-89 гг. Гершензон жил в Берлине, учась в Шарлоттенбургском политехникуме и одновременно слушая в университете лекции по истории и философии.

2. В издательстве "Эпоха", имевшем отделения в Петербурге (а не в Москве, как ошибочно утверждает мемуаристка) и в Берлине, вышли следующие книги Гершензона: Ключ веры. Пг., 1922; Судьбы еврейского народа. Пб.- Берлин, 1922; готовился к изданию также сборник статей "Пальмира" (в него, в частности, должны были войти очерки Гершензона "Пальмира" и "Человек, одержимый Богом", опубликованные автором в период его пребывания в Германии в "Современных записках" 1923, кн. IX), но это издание "не состоялось по особым причинам, хотя книга была набрана и сверстана" (Я.З.Берман. М.О.Гершензон. Библиография. «Одесса», 1928. С.46. Понятно, что работавший в советских условиях библиограф имел в виду цензурные затруднения, о которых сам Гершензон писал Льву Шестову 3 января 1924 г.; см.: М.О.Гершензон. Письма к Льву Шестову (1920-1925) / Публ. А. д'Амелия и В.Аллоя // Минувшее. Ист. альманах. Вып. 6. Paris, 1988. С.294). Руководителя петербургского отделения "Эпохи" *Ефима Яковлевича Белицкого* Гершензон в письме к Шестову от 26 февраля 1922 г. характеризовал как "очень порядочного человека" (Минувшее. С.249).

3. Об “изгнании людей мысли” - см. воспоминания Б.Лосского в 1 томе наст. изд., с.273-287.

4. *Лев Шестов* жил в Париже с начала 1921 г. Его младшая сестра *Фаня Исааковна Шварцман* (1873-1965) и ее муж - философ, композитор и музыковед *Герман Леопольдович Ловцкий* (1881, по др. сведениям 1871 -1957), с середины 1910-х гг. жившие в Швейцарии, в 1921 г. переселились в Берлин, где находились до отъезда в Палестину в 1933 г. (подробнее о них см.: Н.Баранова-Шестова. Жизнь Льва Шестова. Paris, 1983. Т.2. С.299-302).

5. *Сергей Михайлович Гершензон* (р.1906) - ученый-биолог, действ. член АН Украины. С конца 1930-х гг. живет в Киеве.

6. В конце июня 1922 г. *В.Ф.Ходасевич* вместе со своей третьей женой *Ниной Николаевной Берберовой* (1901-1993) - поэтессой, впоследствии прозаиком и мемуаристом - переехал из России за границу. В Германии - и позже в Италии - Ходасевич и Берберова жили до весны 1925 г., когда они переехали в Париж. Их брак распался в 1932 г.

7. В 1920-1922 годах дети Гершензона жили в детской колонии под Москвой, созданной известной теософкой Л.М.Арманд. Дети обожали колонию; Н.М.Гершензон-Чегодаева считала годы, проведенные в колонии, самыми счастливыми в своей жизни. Любовь к колонии и объясняется страстное желание детей вернуться в Россию. Жизнь в колонии, по-видимому, действительно замечательная, подробно описана в воспоминаниях.

8. См. характеристику положения России в письме Гершензона к Шестову от 7 декабря 1922 г.: *Минувшее*. С.275-276.

9. В.Ф.Ходасевич и Гершензон познакомились в 1915 г. Подробный очерк их взаимоотношений, а также их переписку 1916-1925 гг. см.: *Переписка В.Ф.Ходасевича и М.О.Гершензона* / Публ., подг. текста и прим. Инны Андреевой // *De Visu*. 1993. N5. С.12-51.

10. Очевидно, имеется в виду одно из собраний в берлинском Доме Искусств, созданном в ноябре 1921 г. Об участии *И.Г.Эренбурга*, с июня 1921 до конца 1923 г. жившего в Берлине, в деятельности Дома Искусств см.: А.Рубашкин. *Илья Эренбург*. Л., 1990. С.96-98.

11. *Наталья Михайловна Давыдова* - по сообщению А.д'Амелиа и В.Аллойа - “художница, чл. супрематического общ-ва ‘Супремус’ (Малевич, Удальцов, Клюн, Попова <...>)” (*Минувшее*. С.258). Летом 1922 г. Н.М.Давыдова помогала Гершензону в устройстве его литературных дел в Германии; см. письмо Гершензона Шестову от 1 ноября 1922 г.: *Минувшее*. С.271.

12. Наталия Давыдова. Полгода в заключении; дневник 1920-21 г. Берлин, 1923.

13. Социолог и юрист *Богдан Александрович Кистяковский* (1869-1920) был другом семьи Гершензонов и являлся одним из авторов сб. "Вехи" (1909), "инициатором, составителем и редактором" которого был Гершензон (подробнее см.: К истории создания "Вех" / Публ. В.Проскуриной и В.Аллоя // Минувшее. Ист. альманах. [Вып.11], Paris, 1991. С.249-291; в составе публикации - письма С.Л.Франка, С.Н.Булгакова, П.Б.Струве, А.С.Изгоева, Н.А.Бердяева к Гершензону).

14. С *Андреем Белым* (Б.Н.Бугаевым) Гершензон познакомился в 1907 г. и был дружен до самой смерти (Белому принадлежит некролог Гершензона: Россия. 1925, N5(14). С.243-258). В Берлин Белый приехал 18 ноября 1921 г.; весной 1923 г. Белый и Гершензон жили в пансионе Крампе на Виктория-Луиза-Платц.

15. *Анна (Ася) Алексеевна Тургенева* (1890-1966) - художница, автор мемуаров (см. ее мемуарный очерк "Андрей Белый и Рудольф Штейнер". Мосты. 1970. N15. С.236-251).

16. *Рудольф Штейнер* (1861-1925) - немецкий философ, основатель антропософии, в 1912-1916 гг. оказывал определяющее влияние на жизнь и творчество Андрея Белого, до конца жизни остававшегося - несмотря на кризис в личных взаимоотношениях со Штейнером - адептом антропософского учения (см.: Андрей Белый. Воспоминания о Штейнере. Paris, 1982).

17. *Кусиков Александр Борисович* (наст. фам. Кусикян; 1896-1977) - поэт, примыкал к имажинизму. Приехал в Берлин в начале 1922 г. (вместе с Б.Пильняком) по советской командировке; в Россию не вернулся.

18. *Клавдия Николаевна Васильева* (урожд. Алексеева, во втором замужестве Бугаева; 1886-1970) - из круга московских антропософов, с 1931 г. - жена Белого, позднее автор воспоминаний о нем (отд. изд. - Berkeley, 1981). Приехала в Берлин в январе 1923 г. и находилась там до конца июля 1923 г. Сам Белый вернулся в Россию 26 октября 1923 г.

19. Е.Б.Вахтангов скончался 29 мая 1922 г.

20. Пьеса М.Метерлинка; театр показывал 2-ю редакцию спектакля, оформленного Игнатием Нивинским.

21. Возможно, имеется в виду *Владимир Пименович Крымов* (1878-1968) - предприниматель и литератор. О частых литературно-художественных "приемах" у него в доме см.: Р.Б.Гуль. Я унес Россию. Т.1. Россия в Германии. Н.-Й., 1984. С.264.

22. Рудица, имение М.В.Ломоносова, принадлежало его праправнучке

Е.Н.Орловой, близкому другу Гершензона. Гершензоны провели в Рудице одно лето.

23. А.М.Ремизов и его жена С.П.Ремизова-Довчелло покинули Россию 21 сентября 1921 г. и до отъезда 5 ноября 1923 г. в Париж жили в Берлине.

24. О судьбе М.А.Ремизовой (1904-1943) и о семейной трагедии Ремизовых, связанной с потерей дочери, подробнее см.: Н.В.Резникова. Огненная память. Berkeley, 1980. С.44-60; а также главу "Наташа" в кн. Ремизова "В розовом блеске" (Н.-Й., 1952).

25. *Ф.А.Степун* (1884-1965) - философ, социолог, литератор, член Временного правительства при А.Ф.Керенском, впоследствии профессор Мюнхенского и Дрезденского университетов. Одна из его книг - "Из писем прапорщика-артиллериста" (М., 1918) - была издана "по настоянию М.О.Гершензона" (Ф.Степун. Бывшее и несбывшееся. London, 1990. Т.1. С.358).

26. В немецких университетах сохранился обычай устраивать поединки между студентами.

27. Семья М.О.Гершензона вернулась в Москву в августе 1923 г.